

**ТЕОРИЯ ДЕНЕГ
И
ФИДУЦИАРНЫХ
СРЕДСТВ ОБРАЩЕНИЯ**



Перевод выполнен по изданию: *Mises L. von. The Theory of Money and Credit.* Indianapolis: Liberty Fund, 1980. Перевод с английского и научная редакция Гр. Сапова.

В квадратных скобках [...] — пояснения и примечания научного редактора. В фигурных скобках {шрифтом без засечек} приводятся фрагменты текста 1-го нем. издания (1912 г.), не вошедшие во 2-е нем. издание (1924 г.). (Сверка текстов 1-го и 2-го немецких изданий осуществлена зав. кафедрой немецкого языка Удмуртского государственного университета Г. А. Псаревой. Перевод с нем. Ю. Хулаповой и Ю. Цыбенковой под ред. Гр. Сапова.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Мизеса «Теория денег и фидуциарных средств обращения» представляет собой выдающееся достижение, ставшее значимым вкладом в экономическую мысль XX века. Эта книга стала кульминацией и завершением первого этапа развития австрийской экономической школы. Она также заложила основы новой самостоятельной теоретической традиции.

Австрийская школа явилась проблеском во мраке, в который в 1870—1880-е годы была погружена экономическая теория, поскольку помогла покончить с зашедшей в тупик классической, или рикардианской, системой. Это событие часто называют маржиналистской революцией, что совершенно неадекватно описывает новый образ экономического мышления. В основу новой австрийской парадигмы был положен взгляд на отдельного человека, *индивида*, и анализ его действий и актов выбора, ставших фундаментальными понятиями экономической теории. Классическая политэкономия рассуждала в терминах широких классов и, следовательно, не могла предложить удовлетворительного объяснения ценности, цены и доходов в рыночной экономике. Представители австрийской школы начинали анализ с действий индивида. Например, концепция экономической ценности сводилась к оценкам, которые выносили индивиды, осуществляющие выбор, а цены возникали в результате основанных на этих оценках рыночных взаимодействий.

Начало австрийской школы было положено Карлом Менгером, опубликовавшим в 1871 г. свои «Основания политической экономии» («*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*»)¹. Новую теорию в работах, написанных им начиная с 1880-х годов, особенно в нескольких изданиях многотомного сочинения «Капитал и процент»², развивал и систематизировал ученик и последователь Менгера Ойген фон Бём-Баверк. Основываясь на фундаментальном анализе акта присваивания ценности (*valuation*), действия и выбора, Мен-

¹ Английский перевод «Основ» Менгера впервые увидел свет только в 1950 г. См.: *Menger, Carl. Principles of Economics*. New York: New York University Press, 1981. [Русский перевод был впервые опубликован в 1903 г.: *Менгер К. Основания политической экономии* / Пер. с нем. Г. Тикчина и И. Абегуза под ред. доцента Р. М. Орженцкого. Одесса, 1903. Впоследствии этот перевод был переиздан в сборниках: *Австрийская школа в политической экономии*: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992; *Менгер К. Избранные работы*. М.: ИД «Территория будущего», 2005. — *Науч. ред.*.]

² Первый полный английский перевод с последнего немецкого издания опубликован в 1959 г.: *Böhm-Bawerk, Eugen von. Capital and Interest*. South Holland, Ill.: Libertarian Press, South Holland, Ill., 1959 (Vol. I: *History and Critique of Interest Theories*; Vol. II: *Positive Theory of Capital*; Vol. III: *Further Essays on Capital and Interest*). [Русские издания: *Бём-Баверк О. Капитал и процент*. Т. I: *История и критика теорий процента* // *Бём-Баверк О. Избранные труды о ценности, проценте и капитале*. М.: Эксмо, 2009; *Бём-Баверк О. Капитал и процент*. Т. 2—3; т. 1: *Позитивная теория капитала*; т. 2: *Экскурсы*. Челябинск: Социум, 2010.]

гер и Бём-Баверк объяснили все аспекты того, что сегодня называется микроэкономикой: полезность, цены, обмен, производство, ставки заработной платы, процент и капитал.

Людвиг фон Мизес, принадлежа к третьему поколению экономистов австрийской школы, был блестящим участником знаменитого семинара Бём-Баверка, который собирался в Венском университете в первое десятилетие XX в. В своей великой книге «Теория денег и фидуциарных средств обращения» Мизес применил метод австрийской школы для решения задачи, имевшей первостепенную важность для выживания теории — преодоления разрыва между общей («макро») теорией денег и общей («микро») теорией цен.

В то время денежная теория все еще оставалась скроенной по рикардианским лекалам. Если общая «микроэкономическая теория» основывалась на анализе действий индивидов и выводила рыночные явления из феноменов индивидуального выбора, то денежная теория оставалась еще «холистичной», оперируя агрегатами, далекими от реального выбора индивидов. Сфера «микро» и сфера «макро» были полностью отделены друг от друга. Если другие феномены экономики выводились из действий индивидов, то предложение денег считалось внешней по отношению к рынку заданной величиной, механически взаимодействующей с абстракцией в виде «уровня цен». Сюда не проникал озарявший сферу «микро» свет, излучаемый анализом индивидуального выбора. Эти две сферы анализировались по отдельности, исходя из принципиально различных оснований. Автор этой книги совершил грандиозный научный подвиг, поставив денежную теорию на прочный фундамент общей экономической теории, отправляющейся от актов индивидуального выбора, что позволило ему интегрировать денежную и микроэкономическую теории.

Спустя два года после публикации «Теории денег и фидуциарных средств обращения» Ойген Бём-Баверк умер, и его ортодоксальные последователи, замкнувшиеся в рамках старой парадигмы, не признали прорыв в теории денег и экономического цикла, совершенный Мизесом. Поэтому Мизесу пришлось взять на себя трудное дело формирования собственной неавстрийской, или мизесианской, школы, дело, осложнявшееся тем, что в Венском университете он не занимал оплачиваемой академической позиции. Тем не менее его Privatseminar на протяжении всех 1920-х годов посещали многие блестящие ученики.

Однако в англоязычных странах признание идей Мизеса было затруднено тем простым, но немаловажным обстоятельством, что там большинство экономистов не владели никаким языком, кроме родного английского. Книга Мизеса была переведена только в 1934 г., так что его открытия оставались неизвестными в течение более чем двадцати лет. В конце 1920-х годов английский экономист сэр Деннис Робертсон разработал подход, основанный на анализе остатков наличности, но его теория была холистичной и оперировала агрегированными показателями, а не отталкивалась от индивидуальных действий. Теория паритета покупательной способности дошла до

Англии и США в искаженной и ослабленной версии Густава Касселя. А незнание ординалистской теории предельной полезности Чугела—Мизеса привело к тому, что западные экономисты-теоретики, идя вслед за Хиксом и Алленом, в середине 1930-х годов выбросили из экономической теории предельную полезность, заменив ее ошибочным концептом «кривых безразличия», который сегодня является общепринятым элементом всех учебников микроэкономики.

Интеграция микро и макро, осуществленная Мизесом, разработанная им теория денег и его теорема регрессии, а также проделанное им тщательное исследование инфляции были полностью проигнорированы последующими поколениями экономистов. Сегодня идея объединения микро и макро далека от воплощения в практику экономической науки как никогда.

В англоговорящий мир проникла только разработанная Мизесом теория экономического цикла, но и это произошло скорее благодаря усилиям отдельных лиц, нежели в результате широкого прочтения трудов Мизеса ученым миром. В 1931 г. выдающийся последователь Мизеса Фридрих Хайек переехал в Англию, чтобы преподавать в Лондонской школе экономики. На базе прорывных идей Мизеса Хайек разработал систематическую теорию экономических циклов и ему быстро удалось привлечь на свою сторону лучших представителей молодого поколения английских экономистов. Лидер этой группы Лайонел Роббинс организовал перевод на английский язык «Теории денег и фидуциарных средств обращения». С начала 1930-х годов в течение нескольких славных лет влияние теории Хайека испытывали на себе такие молодые светила английской экономической науки, как Роббинс, Николас Калдор, Джон Хикс, Абба Лернер и Фредерик Бенхем. Одновременно в США начали переводить и публиковать оригинальные работы австрийских приверженцев мизесовской теории экономического цикла, прежде всего Фрица Махлупа и Готфрида Хаберлера. В США ведущим сторонником теории цикла Мизеса—Хайека стал молодой Элвин Хансен. Мизесова теория экономического цикла была принята в качестве неоспоримого объяснения Великой депрессии, которую Мизес предвосхитил в 1920-е годы. Но как раз в тот момент, когда эта теория начала распространяться в Англии и США, мир ученых экономистов потрясла кейнсианская революция, обратив в эту веру даже тех, кто вроде бы должен был понимать что к чему. Характерно, что это обращение произошло не в результате последовательного опровержения взглядов Мизеса или чьих-то других, — все альтернативные подходы попросту игнорировались, а экономический мир с тех пор пробавляется старыми инфляционистскими заблуждениями, переодетыми в новые одежды с помощью внешне эффектного нового жаргона. К концу 1930-х годов верность мизесовой теории экономического цикла сохранял только Хайек, — среди ее сторонников не осталось ни его учеников, ни учеников Мизеса. Судьба не отпустила английской версии «Теории денег и фидуциарных средств обращения» достаточно времени, чтобы быть прочитанной, — в результате кейнсианской революции уже в 1936 г. любые докейнсианские идеи,

особенно касающиеся экономического цикла, стали психологически неприемлемыми для следующего поколения экономистов.

В англоязычное издание 1953 г. Мизес добавил четвертую часть. Но в тот момент безраздельного царствования кейнсианства мир экономической науки едва ли был готов вновь обратить внимание на идеи Мизеса. Однако в последнее время, особенно после смерти Мизеса в 1973 г., интерес к его экономико-теоретическим идеям необычайно возрос, и прежде всего в США. Проходят конференции и симпозиумы, публикуются книги и статьи, пишутся диссертации, посвященные австрийской экономической школе и в частности наследию Мизеса. На фоне полного фиаско кейнсианской системы, которая болтается между хронической и галопирующей инфляцией, с периодическими срывами в инфляционной рецессии, экономисты демонстрируют бóльшую восприимчивость к Мизесовой теории цикла по сравнению с их отношением к ней в предыдущие четыре десятилетия. Будем надеяться, что новое издание побудит экономистов взглянуть свежим взглядом и на другие яркие идеи, содержащиеся в этом обойденном вниманием шедевре, а осуществленное Мизесом объединение теории денег и банковского дела с микроэкономикой послужит основой для дальнейшего развития денежной теории.

Мюррей Ротбард

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

С момента выхода первого немецкого издания этой книги прошло сорок лет. В течение этих четырех десятилетий мир пережил немало бедствий и катастроф. Меры экономической политики, вызвавшие эти прискорбные события, затронули также национальные валютные системы. Твердые деньги уступили место непрерывно обесценивающимся декретным деньгам. Сегодня все страны страдают от инфляции, которая грозит полностью разрушить их валюты.

Необходимо понимать, что нынешнее состояние мира и в частности сложившаяся ситуация в денежной сфере, представляют собой непреложные следствия проведения в жизнь доктрин, владеющих умами наших современников. Эпизоды великой инфляции нашей эпохи отнюдь не стихийные бедствия. Они дело рук человеческих, или, говоря прямо, — дело рук государства. Они — следствие теорий, приписывающих государству магическую силу создавать богатство из ничего и делать людей счастливее путем увеличения «национального дохода».

Одна из главных задач экономической науки состоит в развенчании инфляционистских заблуждений, которые со времен Джона Ло и до нашего современника лорда Кейнса сбивают с толку авторов и государственных деятелей. До тех пор пока басни о благодетельности денежного экспансионизма составляют неотъемлемую часть официальной доктрины и направляют экономическую политику, бессмысленно строить планы восстановления денежной системы и надеяться на выздоровление экономики.

На демагога вряд ли произведут какое-либо впечатление любые аргументы, выдвигаемые экономической теорией против инфляционистов и экспансионистов, — ведь его не волнуют отдаленные последствия проводимой им экономической политики. Он выбирает инфляцию и кредитную экспансию, прекрасно понимая, что вызываемый ими бум продлится недолго и неизбежно закончится спадом. Он может даже бравировать тем, что игнорирует долгосрочные последствия своей политики. В долгосрочном периоде, повторяет он, мы все мертвы; значение имеет лишь краткосрочный период.

Однако вопрос состоит в том, как долго длится этот краткосрочный период? Создается впечатление, что государственные деятели и политики сильно переоценивают длительность краткосрочного периода. Правильный диагноз нынешнего положения дел таков: мы уже пережили краткосрочный период и сейчас сталкиваемся с долгосрочными последствиями, которые политические партии отказывались принимать в расчет. События развиваются именно так, как прогнозировала здравая экономическая теория, которую неинфляционистская школа третировала как «ортодоксальную».

В этой ситуации оптимист может питать надежду на то, что народы все же будут готовы усвоить то, что они беспечно игнорировали совсем недавно. Именно эти оптимистические ожидания побудили издателей вновь выпустить эту книгу, а автора — добавить к ней в качестве эпилога очерк о восстановлении денежной системы (часть IV).

Людвиг фон Мизес,
Нью-Йорк, июнь 1952 г.

ВВЕДЕНИЕ

Из всех разделов экономической теории самую долгую историю имеет та ее часть, которая связана с проблематикой денег и кредита, имеющая также и самую обширную литературу. Элементарные истины количественной теории были открыты еще в те времена, когда о других экономических проблемах не задумывались вовсе. К середине XIX в., когда в общей теории ценности еще не была окончательно разработана удовлетворительная статическая система, авторы статей, посвященных деньгам и банковскому делу, уже решали проблемы экономической динамики, причем зачастую вполне успешно. Мы считаем, что сегодня, при всем разнообразии подходов, характерных для теории денег и кредита, в экономической теории не существует другого раздела, который мог бы оказать более эффективную практическую помощь государственным деятелям и деловым людям.

Верно, однако, и то, что мало где полученные результаты исследований и обобщения практики настолько мало систематизированы и соотнесены с основными категориями теоретической экономики. Счет специальным монографиям идет на сотни. Число статей превосходит способности любого человека все их просмотреть. По крайней мере в англоязычной литературе попытки такого синтеза настолько редки, что в ходе работы над «Трактатом о деньгах» Кейнс жаловался на отсутствие не только сложившейся традиции упорядочивания, но хотя бы одного-единственного примера систематического рассмотрения предмета, по масштабу и качеству сравнимого со стандартами обсуждения центральных проблем чистой теории равновесия.

В этих обстоятельствах можно надеяться, что издание этой книги удовлетворит реальные потребности англоязычных студентов и исследователей, поскольку сочинение венского профессора Людвиг фон Мизеса «*Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel*», перевод которого вы держите в руках, восполняет именно этот пробел. В книге систематически рассмотрены главные положения теории денег и кредита и исследована их связь как с основным корпусом экономической теории, так и с актуальными проблемами современной экономической политики. Начав с канонического анализа природы и функций денег, автор с помощью ряда в высшей степени оригинальных ходов ведет читателя от теоретических проблем ценности денег в простых условиях наличия единственного вида денег и отсутствия банковской системы, через анализ феномена параллельных денег и иностранных валют, к всестороннему рассмотрению проблем современного банковского дела и влияния кредитной экспансии на капитальную структуру и стабильность конъюнктуры. На континенте эта книга давно считается стандартным учебником по теории денег и кредита. Надеюсь, что она займет аналогичное место в англоязычных странах. Мне известно немного работ, оставляющих более глубокое впечатление логического единства и мощи современного экономического анализа.

Однако было бы огромной ошибкой считать, что единственное или главное достоинство этой книги сводится к систематизации имеющихся знаний по данному предмету. Многие утверждения, впервые сформулированные в

ней, стали настолько привычным содержанием современной теории денег, что английский читатель, впервые знакомящийся с этим сочинением спустя двадцать лет после выхода первого немецкого издания, может недооценить его оригинального вклада в науку — от которого ведут свою родословную многие из важнейших и актуальнейших современных дискуссий. Кто в 1912 г. слышал о вынужденных сбережениях, несоответствии равновесной и денежной ставок процента, о вызываемых нестабильностью кредита циклических колебаниях соотношения цен на производственные и потребительские благ? Все эти проблемы трактуются здесь не как второстепенные (подобный подход встречается в более ранней литературе), а как центральные элементы тщательно разработанной теоретической системы. И автор этой системы имеет полное право испытывать печальное удовлетворение, наблюдая многочисленные подтверждения своей теории в последующих событиях, — вначале великую инфляцию в первые послевоенные годы, а позднее события, приведшие к нынешней депрессии. Не следует также пренебрегать вкладом автора в более абстрактные разделы теории ценности денег. Вместе с Маршаллом и еще одним-двумя авторами профессору Мизесу принадлежит честь соединения этой теории с общими категориями чистой теории ценности, а сделанный им акцент на связи неопределенности с размером остатков наличности и указание на зависимость определенных денежных явлений с ошибками в предвидении предвосхищают многие из наиболее плодотворных результатов, полученных в ходе самых недавних размышлений на эту тему. Несмотря на наблюдаемую в определенных кругах тенденцию возврата к более механистическим формам количественной теории, в частности, несмотря на попытки оперировать непрерывно множачимися чисто тавтологическими формулами, представляется несомненным, что дальнейший прогресс в объяснении наиболее трудных для понимания денежных явлений лежит на пути, указанном профессором Мизесом.

Настоящий перевод выполнен на основе второго немецкого издания, опубликованного в 1924 г. Некоторые фрагменты, не представляющие большого интереса для английского читателя, были опущены [они восстановлены и включены в русское издание. — *Науч. ред.*], а глава, посвященная полемике, имевшей чисто внутринаемецкий характер, помещена в приложение. При этом комментарии автора по поводу экономической политики в главе 20 части III оставлены в том виде, как они представлены в издании 1924 г. Автор, который великодушно помогал советами на всех этапах перевода, написал специальное введение, в котором в общих чертах излагает свой взгляд на проблемы, появившиеся с тех пор. В приложении приводятся немецкие эквиваленты терминов, обозначающих разные виды денег, и обсуждаются детали перевода одного термина, для которого не существует точного английского эквивалента.

Лайонел Роббинс,
Лондонская школа экономики,
сентябрь 1934 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Облик, в котором вопросы, связанные с кредитно-денежной политикой, предстают перед публикой, меняется с каждым месяцем и с каждым годом. Посреди этого потока событий остается неизменным тот теоретический аппарат, который позволяет разбираться с данными вопросами. Ценность экономической науки на самом деле состоит в том, что она позволяет нам устанавливать истинную значимость той или иной проблемы, отделяя ее от случайных деталей. Обычно для понимания немедленных последствий тех или иных мер глубокого знания экономической теории не требуется — ее задача состоит в том, чтобы указывать на их отдаленные последствия, тем самым помогая нам избегать таких действий, которые, будучи попытками излечить текущее заболевание, являются причинами развития в будущем еще более тяжелых недугов.

С момента публикации второго немецкого издания этой книги прошло десять лет. За это время внешний облик денежных и банковских проблем в мире полностью изменился. Но более внимательное исследование показывает, что сейчас, как и тогда, споры ведутся по тем же самым фундаментальным вопросам. Тогда Англия в очередной раз повышала золотую ценность фунта стерлингов до довоенного уровня, пренебрегая тем, что цены и ставки заработной платы адаптировались к более низкому значению и восстановление довоенного паритета фунта должно будет вызвать снижение цен. Последнее, в свою очередь, должно было поставить предпринимателя в сложное положение, увеличив диспропорцию между фактическими ставками заработной платы и ставками, которые установились бы на свободном рынке. Разумеется, при всех неизбежных изъянах этой меры, для восстановления старого паритета имелись определенные причины. Принимать такое решение следовало после тщательного взвешивания всех «за» и «против». Тот факт, что власти пошли на этот шаг, не предупредив публику о его неизбежных негативных последствиях, чрезвычайно усилил оппозицию золотому стандарту, хотя реальной причиной этих, вызвавших столько нареканий, явлений было не восстановление золотого стандарта как таковое, а исключительно тот факт, что правительство стабилизировало ценность фунта на более высоком уровне по сравнению с тем, который соответствовал текущему уровню цен и зарплат в Великобритании.

С 1926 по 1929 г. внимание всего мира было приковано к феномену американского процветания. Как и в период всех предыдущих бумов, вызванных расширением кредита, считалось, что процветание будет длиться вечно, а все предупреждения экономистов игнорировались начисто. Для экономистов разворот тенденции обратном направлении, случившийся в 1929 г., и последующий жестокий кризис не стали сюрпризом, они

превидели эти события, даже если и не могли точно предсказать, когда именно они случатся¹.

Необычным в нынешней ситуации является не то, что мы пережили период кредитной экспансии, сменившийся периодом депрессии, а способ, которым правительства отреагировали на эти обстоятельства. В разгар общего падения цен везде было сделано одно и то же: во-первых, были предприняты все мыслимые шаги к тому, чтобы не допустить падения денежных ставок заработной платы, и, во-вторых, государственные ресурсы были направлены, с одной стороны, на продолжение реализации проектов, которые в противном случае были бы прекращены, а с другой — на искусственное стимулирование экономики с помощью общественных работ. В результате те силы, силы, которые в ходе предыдущих депрессий в конце концов приводили цены и зарплаты в соответствие с новыми текущими условиями, позволяя выйти из тупика депрессии к восстановлению экономики, были нейтрализованы. Та неприятная истина, согласно которой стабилизация ставок заработной платы приведет лишь к увеличению безработицы и фиксации характерных для периода депрессии диспропорций между ценами и издержками и между выпуском и продажами, была проигнорирована.

На первый план вышли чисто политические соображения. Правительства боялись спровоцировать беспорядки среди широких масс наемных работников. Они не рискнули пойти против доктрины, считающей важнейшей целью экономики высокие ставки заработной платы, и полагающей, что вмешательство профсоюзов и государства способно удерживать зарплаты на высоком уровне даже в период снижения цен. Поэтому правительства сделали все возможное, чтобы уменьшить или полностью устранить давление новых условий на ставки заработной платы. С целью предотвратить рыночное предложение таких ставок заработной платы, которые были бы ниже требуемых профсоюзами, они ввели пособия по безработице для все увеличивающегося числа потерявших работу, а также помешали центральным банкам повысить процентную ставку и ограничить кредит, что позволило бы привести в действие свободные силы по выходу из кризиса, реализовав его функцию расчистки рынка от сделанных ошибок.

Европа и Америка неоднократно были свидетелями обращения правительств к выпуску неразменных бумажных банкнот с последующим снижением ценности денег, когда государство не считало себя достаточно сильным для того, чтобы мобилизовать средства, необходимые для покрытия государственных расходов путем налогообложения или государственных заимствований либо для их сокращения, чтобы обойтись имеющимся

¹ Это предвидение было характерно отнюдь не для всех экономистов. Такие признанные авторитеты, как И. Фишер, Дж. М. Кейнс и У. Митчелл, до последнего убеждали политиков и публику в том, что процветание непременно продолжится, потому что нет никаких *теоретических* (!) оснований ожидать обратного. Подробнее см. статью М. Скоузена «Кто предсказал крах 1929 г.» в: *Мизес Л. фон. Теория экономического цикла*. Челябинск: Социум, 2012. С. 337—378. — *Прим. науч. ред.*

объемом государственных доходов. Но мотивы недавних экспериментов с обесценением денег не имели фискального характера. Правительства понижали золотое содержание денежной единицы в целях поддержания внутреннего уровня заработной платы и цен и для обеспечения преимуществ в международной торговле для отечественной промышленности по сравнению с ее конкурентами. Ни в Европе, ни в Америке запрос на такую политику не представляет собой ничего нового. Но во всех предыдущих случаях те, кто выдвигал подобные требования, не имели власти, чтобы добиться их выполнения. На этот раз, однако, Великобритания начала отказываться от старого золотого содержания фунта. Вместо того чтобы сохранить золотую ценность фунта, применив обычную и неизменно срабатывавшую меру — повышение банковской [процентной] ставки, правительство и парламент Британии при банковской ставке на уровне 4,5% предпочли приостановить размен банкнот по старому узаконенному паритету, вызвав тем самым значительное падение ценности фунта стерлингов. Целью этой меры было предотвратить дальнейшее падение цен в Англии и, по-видимому, избежать прежде всего необходимости снижения ставок заработной платы.

Примеру Великобритании последовали другие страны, среди которых особое место занимали США. Желая предотвратить падение ставок заработной платы и восстановить уровень цен периода процветания 1926—1929 гг., президент Рузвельт понизил золотое содержание доллара.

В Центральной Европе первой страной, последовавшей примеру Великобритании, стала Чехословакия. В первые годы после войны правительство Чехословакии из соображений престижа необдуманно проводило политику, направленную на повышение ценности кроны, отказавшись от нее только после того, как стало очевидно, что рост ценности валюты мешает экспорту ее товаров, поощряет импорт иностранных товаров и серьезно подрывает платежеспособность предприятий, которые значительную часть оборотного капитала формируют за счет банковского кредита. Однако в первые недели текущего года золотой паритет кроны был понижен с целью облегчить жизнь предприятиям, обремененным долгами, предотвратить падение товарных цен и ставок заработной платы, а также стимулировать экспорт и ограничить импорт. Сегодня во всех странах мира нет более горячо обсуждаемого вопроса, чем вопрос о том, что делать с покупательной способностью денежной единицы — поддерживать или понижать.

Согласно сложившемуся консенсусу, все что требуется, это понизить покупательную способность до ее предыдущего уровня или даже предотвратить ее рост сверх нынешнего уровня. Но если это действительно все что требуется, трудно понять, почему следует стремиться к уровню 1926—1929 гг., а не, скажем, 1913 г.

Если следует считать, что индексы могут служить инструментом для проведения обоснованной денежной политики, сделав ее независимой от меняющихся экономических программ правительств и политических партий, то позвольте мне сослаться на то, что я сказал в настоящей работе о невозможности выделения одного конкретного метода расчета индексов в ка-

честве единственного научно правильного и соответственно делающего все остальные научно ошибочными. Существует много методов расчета индексов покупательной способности, и по отдельности каждый из них с определенной обоснованной точки зрения будет правильным; но со многих других, в равной степени логичных точек зрения, каждый из них будет ошибочным. Поскольку каждый метод дает результаты, отличающиеся от результатов, полученных всеми остальными методами, и поскольку каждый результат, если его положить в основу практических мер, будет выгоден одной части экономических агентов и невыгоден другой части, очевидно, что каждая группа будет выступать за те методы, которые лучше отвечают их интересам. В тот самый момент, когда манипулирование покупательной способностью будет объявлено легитимным объектом денежной политики, вопрос о том, на каком уровне следует зафиксировать покупательную способность, приобретет первостепенное политическое значение. При золотом стандарте определение ценности денег зависит от прибыльности добычи золота. Кому-то это может показаться недостатком, и безусловно это вносит в экономическую жизнь фактор непредсказуемости. Тем не менее это не означает, что цены товаров будут подвержены резким и внезапным изменениям, вызванным денежными факторами. Самые крупномасштабные колебания в ценности денег, свидетелем которого мир стал в течение последнего столетия, были вызваны не обстоятельствами золотодобычи, а политикой правительств и эмиссионных банков. Зависимость ценности денег от золотодобычи ни в коей мере не означает, что если такой зависимости не будет, ценность денег перестанет зависеть от превратностей текущей политики. Отделение валют от точно определенного и неизменного золотого паритета превращает ценность денег в игрушку в руках политиков. Сегодня мы наблюдаем, как за кулисами и внутренней, и международной политики соображения ценности денег доминируют над всеми прочими соображениями. Мы находимся совсем близко к такому положению дел, когда «экономическая политика» будет означать в первую очередь воздействие на покупательную способность денег. Следует ли сохранять текущее золотое содержание или нужно перейти к более низкому содержанию? Именно этот вопрос составляет главную проблему экономической политики всех стран Европы и Америки. Пожалуй, уже сейчас полным ходом идет гонка понижения золотого содержания денежных единиц с целью получения преходящих преимуществ (представления о которых к тому же формируются на основе самообмана) в торговой войне, которую страны цивилизованного мира вот уже несколько десятилетий ведут со всевозрастающей жестокостью и катастрофическими последствиями для благосостояния своих подданных.

Описывать нынешнее положение дел как освобождение от золота не вполне корректно. Ни одна из тех стран, которые «отказались от золотого стандарта» в течение последних нескольких лет, не оказала существенного влияния на роль золота как средства обмена ни внутри страны, ни в мире. То, что произошло, было отходом не от золота, а от старого узаконенного золотого паритета денежной единицы и в первую очередь явилось облегче-

нием бремени должников в ущерб кредиторам, даже при том, что основной целью этих мер могла быть стабильность номинальных ставок заработной платы и иногда также и товарных цен.

Помимо стран, которые понизили золотую ценность своих валют по причинам, описанным выше, есть и другая группа стран, стран которые отказываются признавать обесценивание своих денег в золотом выражении в результате избыточного расширения внутреннего банкнотного обращения и официально сохраняют фикцию того, что их денежные единицы все еще обладают узаконенной золотой ценностью или по крайней мере золотой ценностью, превышающей реальный уровень. Для поддержания этой фикции они вводят меры валютного контроля, которые обычно требуют от экспортеров продавать иностранную валюту по курсу, соответствующему узаконенной золотой ценности, т.е. со значительными убытками. Едва ли нужно подробно объяснять, что это ведет к резкому сокращению количества иностранной валюты, продаваемой центральному банку. Вследствие этого в таких странах возникает «дефицит иностранной валюты» (*Devisennot*). По предписанной цене валюту купить становится невозможно, а к незаконному рынку, на котором иностранная валюта покупается и продается по надлежащей цене, центральный банк не имеет доступа, поскольку отказывается платить эту цену. «Дефицит иностранной валюты» становится предлогом для разговоров о затруднительности осуществления репарационных выплат и для запрета перевода в иностранные страны процентов по кредитам и платежей в счет погашения основного долга, что фактически парализует международный кредит. Поскольку по старым кредитам выплата процентов и погашение основного долга производятся нерегулярно или вовсе прекращаются, можно ожидать, что прекратятся и сколько-нибудь серьезные переговоры о новых международных кредитных сделках. Мы недалеко от ситуации, когда из-за постепенного признания принципа, согласно которому любое правительство имеет право запретить выплату долгов иностранным кредиторам по соображениям «валютной политики», трансграничное кредитование станет невозможным. Реальный смысл валютной политики такого рода исчерпывающим образом обсуждается в настоящей книге. Здесь же я лишь отмечу, что за последние три года эта политика нанесла больший вред международным экономическим отношениям, чем вред, причиненный протекционизмом за последние 50—60 лет, включая протекционистские меры периода мировой войны. Удушение международного кредита можно приостановить, только отказавшись от принципа, утверждающего, что под предлогом дефицита иностранной валюты любое государство по собственному усмотрению имеет право приостановить выплату процентов по внешним долгам и запретить своим подданным погашать проценты и основной долг. Добиться этого можно только одним способом — вывести международные кредитные сделки из юрисдикции отдельных стран, создав для них специальный международный кодекс, гарантируемый и проводимый в жизнь Лигой Наций. Пока не будут созданы такие условия, не стоит рассчитывать на оживление международно-го кредита. Поскольку в восстановлении международного кредита одинаково

заинтересованы все страны, вероятно, можно надеяться, что усилия в этом направлении будут предприняты в течение ближайших нескольких лет, при условии что Европа не погрузится в пучину войны и революции. Но фундаментом будущих соглашений должна стать денежная система, основанная на золоте. Золото не является идеальной основой денежной системы. Как и все, созданное человеком, золотой стандарт не свободен от недостатков. Но в сложившихся обстоятельствах нет другого способа освободить денежную систему от переменчивого влияния партийной политики и вмешательства государства, ни в настоящем, ни в, насколько можно судить, будущем. И никакая денежная система, не свободная от подобных влияний, не может служить основой для международных кредитных сделок. Те кто обвиняет золотой стандарт во всех смертных грехах, не должны забывать, что в XIX в. именно золотой стандарт позволил цивилизации распространиться за пределы капиталистических стран Западной Европы, направив накопленное ими богатство на экономическое развитие остального мира. Сбережения горстки передовых капиталистических стран небольшой части Европы создали производительное оборудование всего мира. Если страны-должники отказываются платить по имеющимся долгам, они, безусловно, облегчают себе жизнь в данный момент. Но встает вопрос: не лишают ли они себя перспектив в будущем? Соответственно, при обсуждении валютных проблем все разговоры о противоположности интересов стран-кредиторов и стран-должников, из которых первые хорошо обеспечены капиталом, а вторые — плохо, уводят в сторону. Удушение международного кредита смертельно опасно именно для бедных стран, зависящих от импорта иностранного капитала для развития своих производственных ресурсов.

Наблюдающийся сегодня сбой работы кредитно-денежной системы вызван не какими-то несовершенствами золотого стандарта (о чем никогда нелишне напомнить). Современную денежную систему чаще всего обвиняют в падении цен, происходившем последние пять лет, но в этом нет вины золотого стандарта, это неизбежное и неотвратимое следствие кредитной экспансии, которая в конечном счете всегда ведет к краху. А то, что рекомендуют в качестве лекарства, есть не что иное, как очередной раунд кредитной экспансии, который, безусловно, может вызвать преходящий бум, но в конце концов завершится жестоким кризисом.

Трудности кредитно-денежной системы составляют только часть огромных экономических проблем, досаждающих сегодня миру. Нарушена нормальная работа не только кредитно-денежного механизма, но и всей экономической системы в целом. Все последние годы во всех странах экономическая политика противоречила принципам, которые в XIX в. создали богатство народов. Международное разделение труда сегодня считается злом. Раздаются требования вернуться к автаркии Древнего мира. Любой импорт иностранных товаров считается бедствием, которое нужно предотвратить любой ценой. С поразительным энтузиазмом политические партии проповедуют нежелательность поддержания мира на планете, утверждая, что единственным средством прогресса является война. Они не ограничива-

ются описанием войны как разумной формы международных отношений, а рекомендуют использование вооруженной силы для подавления оппонентов при решении вопросов внутренней политики. В то время как либеральная экономическая политика всеми силами избегает создания препятствий для размещения производства в тех местах, где это обеспечивает наибольшую производительность труда, в наши дни учреждение предприятий там, где условия производства неблагоприятны, считается патриотическим поступком, заслуживающим поддержки государства. Требовать от кредитно-денежной системы исправления последствий порочной экономической политики довольно несправедливо.

Все предложения, направленные на устранение последствий порочной экономической и финансовой политики просто путем реформирования денежной и банковской системы, исходят из фундаментально ошибочных представлений. Деньги всего лишь средство обмена, и они исчерпывающим образом выполняют свои функции, когда обмен товаров и услуг с их помощью происходит легче, чем это было бы возможно посредством бартера. Попытки провести экономические реформы со стороны денег ведут только к искусственному стимулированию экономической активности вследствие увеличения денежной массы, а это, как необходимо постоянно подчеркивать, в итоге неизбежно порождает кризис и депрессию. Повторяющиеся экономические кризисы представляют собой последствия попыток стимулировать экономическую активность с помощью дополнительного кредита, невзирая на все уроки опыта и предупреждения экономистов.

Эту точку зрения иногда называют «ортодоксальной» на том основании, что она связана с классической политэкономией, составляющей неизменный предмет гордости Великобритании. Эту школу экономической мысли противопоставляют «современной» точке зрения, уходящей корнями в идеи меркантилистов XVI—XVII вв. Мне трудно понять, что постыдного содержится в ортодоксии. Важно не то, является доктрина ортодоксальной или она соответствует последней моде, а то, является ли она истинной или ложной. И хотя вывод, к которому я пришел в своем исследовании, — а именно то, что кредитная экспансия не является заменой капитала, — кому-то может прийти не по нраву, я не считаю, что против нее можно выдвинуть логическое опровержение.

Людвиг фон Мизес,
Вена, июнь 1934 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Когда двенадцать лет назад вышло первое издание этой книги, народы и их правительства только готовились к трагическим событиям Великой войны. Подготовка состояла не только в наполнении арсеналов современным оружием, но и в официальном провозглашении и неистовой пропаганде идеологии войны, важнейшим экономическим элементом которой был инфляционизм.

В первом издании проблема инфляционизма была исследована. Я пытался показать неадекватность соответствующих доктрин, а также указать на те изменения, которые угрожают нашей денежной системе в ближайшем будущем. Это вызвало резкие нападки со стороны тех, кто готовил почву для будущей денежной катастрофы. Некоторые из этих критиков вскоре обрели большое политическое влияние; они получили возможность реализовать свои доктрины на практике и поэкспериментировать с инфляционизмом в своих странах.

Распространенное утверждение о том фиаско, которое экономическая наука потерпела, столкнувшись с проблемами военного и послевоенного периодов, категорически неверно. Подобные утверждения показывают, что высказывающий их человек совершенно незнаком с литературой по экономической теории и путает ее с извлечениями из архивов, которые следует искать в работах представителей историко-эмпирическо-реалистической школы. Никто не понимает недостатки экономической теории лучше самих экономистов, и никто сильнее них не сожалеет о имеющихся в ней пробелах и ошибках. Но все теоретические наставления, которые нужны были политикам в течение последних десяти лет, можно было получить из существующей доктрины. Те, кто высмеивал и беспечно отвергал удостоверенные и признанные результаты научных трудов как «тощие абстракции», должны винить себя, а не экономическую науку.

Столь же трудно понять, как можно говорить о том, что опыт последних лет требует пересмотра экономической теории. Для того, кто знаком с историей денежного обращения, пережитые миром резкие и внезапные изменения ценности денег не представляют собой ничего нового; ни колебания ценности денег, ни их социальные последствия, ни реакция политиков на эти явления не стали новостью для экономистов. Конечно, эти явления стали новостью для многих этатистов, что, пожалуй, может служить лучшим доказательством того, что глубокое знание истории, которым вроде бы обладали эти господа, не было подлинным, а служило лишь прикрытием их меркантилистской пропаганды.

Тот факт, что настоящая работа, не претерпев изменений по сути, публикуется в значительно измененном виде по сравнению с первым изданием, вызвано не невозможностью объяснить новые факты с помощью старых доктрин. Безусловно, за двенадцать лет, прошедших с момента выхода первого издания, экономическая наука продвинулась далеко вперед. И мои

собственные исследования проблем каталлактики во многих аспектах привели меня к выводам, отличающимся от тех, которые содержались в первом издании. Мое отношение к теории процента сегодня иное, чем в 1911 г., и хотя при подготовке настоящего издания, так же как и при подготовке первого издания, я был вынужден отложить рассмотрение проблемы процента (поскольку она лежит за пределами теории косвенного обмена), в некоторых местах книги возникала необходимость затронуть соответствующие вопросы. Кроме того, в одном отношении я изменил свое мнение относительно кризисов: я пришел к заключению, согласно которому теория, которую я выдвинул в развитие и продолжение доктрин денежной школы, сама по себе является достаточным объяснением кризисов, а не просто дополнением для объяснения на основе теории прямого обмена, как я предполагал в первом издании.

Далее, я пришел к убеждению, что без разграничения статики и динамики невозможно обойтись даже при разработке теории денег. При написании первого издания я посчитал, что должен обойтись без этого, во избежание возможного недопонимания со стороны немецкого читателя. Дело в том, что незадолго до этого, в статье, опубликованной в авторитетном сборнике, Альтман использовал понятия «статики» и «динамики» применительно к денежной теории в смысле, отличном от терминологии современной американской школы¹. За прошедшие годы важность разграничения между статикой и динамикой в современной теории, стала, скорее всего, известна всем, кто следил за развитием экономической науки, пусть даже и не очень внимательно. Сегодня можно спокойно использовать эти термины, не опасаясь того, что их спутают с терминологией Альтмана. Я частично переработал главу, посвященную социальным последствиям колебаний ценности денег, чтобы сделать аргументацию более ясной. В первом издании глава о денежной политике содержала пространную историческую часть, однако опыт последних лет служит настолько хорошей иллюстрацией для фундаментальных аргументов, что соответствующие фрагменты можно безболезненно опустить.

Был добавлен параграф о текущих проблемах банковской политики, а также параграф, в котором вкратце исследуются денежная теория и денежная политика этатистов. Выполняя пожелания некоторых коллег, я также включил в книгу переработанную и расширенную версию короткой статьи, посвященной классификации денежных теорий, которая была опубликована несколько лет назад в 44-м томе журнала «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik».

В остальном в мои планы не входил критический анализ потока новых публикаций, посвященных проблемам денег и кредита. В науке, как писал

¹ См.: *Altmann. Zur deutschen Geldlehre des 19. Jahrhunderts // Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im 19. Jahrhundert, Schmoller Festschrift. Leipzig, 1908.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru